

Род Цуй никогда не причислял себя к торговому сословию. С тех самых пор, как их предки обосновались в уезде Хуйцзюй, семейное достояние прирастало пашнями и угожьями. Поколение за поколением они возвращали в своих стенах книжников, хотя в те суровые времена путь к вершинам власти для выходцев из незнатных семей был почти закрыт. Самым выдающимся среди них стал предок, достигший чина главы области и вернувшийся в родные края лишь на закате дней. Своим потомкам он оставил в наследство девиз: «труд на земле и прилежание в науках» — негласное право числиться в самом хвосте благородного сословия.

Стоя на ступень выше простых пахарей, но не достигнув блеска великих аристократических домов, клан Цуй довольствовался ролью первого среди равных в своем захолустье. Столетний фундамент и прочные корни позволяли им носить негласный титул «местных змей». Каждый новый уездный судья, прибывавший в Хуйцзюй, понимал: чтобы дела в уезде шли гладко, с Цуями нужно считаться.

Хуйцзюй считался захолустьем — скудным краем, где, кроме земледелия, чиновнику не на чем было выстроить блестящую карьеру. Здесь не пролегали торговые пути, сюда не заглядывали морские пираты или дерзкие разбойники. Назначение в этот глухой угол обычно получали люди без серьезных покровителей, а порой и вовсе опальные сановники, сосланные из столицы. Могли ли подобные люди идти наперекор хозяевам здешних земель? Напротив, они предпочитали проводить свои сроки в покое, налаживая добрые связи с богатейшим землевладельцем уезда — главой клана Цуй — и мирно дожидаясь перевода в иное место.

Главы рода тоже не оставались в долгу. Подношения в период службы и щедрые дары при отбытии чиновника всегда выплачивались сполна, поддерживая ту тонкую нить связей, что могла пригодиться в будущем. Так, из года в год, прирастая богатством и влиянием, клан Цуй благополучно процветал в этом уединении на протяжении нескольких поколений.

Разумеется, мысли о том, чтобы пустить корни за пределами уезда, посещали их не раз. Однако сил клана хватало лишь на то, чтобы их ученые мужи становились приближенными или домашними учителями в действительно могущественных домах. Подобная близость к сильным мира сего часто грозила вовлечением в чужие интриги и суровыми карами, настигавшими порой весь род. Получив горький урок дважды, предки Цуй оставили тщетные надежды. Они решили довольствоваться малым: лучше быть головой курицы в Хуйцзюе и наслаждаться покоем, чем хвостом феникса в столице, рискуя всем. Это была стратегия «страуса» — надежная и проверенная временем тактика выживания рода.

Именно тогда будущим главам было завещано правило бережливости и скрытности. Не выставлять богатство напоказ, сохранять за своим уездом славу бедного края и тем самым отводить алчные взоры. Не захватывать рынки: владея большей частью пахотных земель Хуйцзюя, Цуй оставляли остальным жителям возможность кормиться своим трудом. Не притеснять торговцев: они держали лишь лавки с зерном, чтобы обеспечить жизнь семьи, но не вступали в разорительную конкуренцию с другими купеческими гильдиями.

Что же до пороков, столь часто губящих знатные дома — страсти к азартным играм или

плотским утехам, — то здесь глава клана держал поводья особенно туго. У большинства соплеменников просто не водилось лишних денег на подобные бесчинства, а те немногие, кто осмеливался нарушить запрет, безжалостно изгонялись из рода или отправлялись в тюрьму после порки. Цуй изо всех сил старались быть образцовыми подданными, чьи имена никогда не попадали в списки угнетателей народа на столах судебных управ. Быть «местной змеей» — тоже искусство, требующее достоинства.

Цуй Люй, следуя заветам предков, в годы юности сумел сдать экзамен на степень цзюйжэня. Это давало ему право не склоняться перед чиновниками, чего ему было вполне достаточно. Тратить семейные деньги на покупку должности он не желал, и потому навсегда остался лишь «ученым мужем», посвятив себя делам клана. Никто в роду не подозревал, что их глава — из тех редких талантов, что способны искусно управлять собственными успехами. Окружающие полагали, что ему просто повезло занять последнее место в списках, не ведая, что это был холодный расчет книжника, умеющего вовремя остановиться.

Его старший сын, воспитанный им лично, также обладал недюжинными способностями, но до принятия титула главы клана ему было запрещено участвовать в высших экзаменах. Даже младшие братья, связанные с Юаньи узами крови, не догадывались о его истинных познаниях. В глазах клана лишь второй сын, Чжунхао, слыл истинным ученым, ведь он в столь юном возрасте уже получил степень сюэя. Все надежды рода на официальное возвышение возлагались именно на него.

Школа клана Цуй была крупнейшей в уезде, и обучение в ней не было бесплатным даже для своих. Но тех, кто действительно сумел покинуть Хуйцзюй и занять пост, было немного, да и чины их были невелики. Причиной тому была не близорукость Цуй Люя, а десятилетия смут, сотрясавших империю Данин. Благодатная область Цзянчжоу лишь пять лет назад окончательно вошла в налоговую систему государства, после того как власть императора укрепилась, а силы пяти великих домов региона были подорваны. В Цзянчжоу, разделенном на три округа и двадцать восемь уездов, все значимые должности веками распределялись между этими великими кланами. Чтобы вырвать кусок из их рук, состояния Цуев не хватило бы, даже если бы они поставили на кон всё до последнего гроша.

Император У, прозванный Кайу, не стал брать Цзянчжоу грубой силой. Действуя подобно весеннему дождю, что мягко размывает почву, он постепенно разрушил доверие между великими домами. Сохранив богатство и величие этого края, он заставил ресурсы Цзянчжоу питать казну всей империи, направляя средства на восстановление других провинций. С тех пор как прошли два года с момента последних экзаменов милости, ученики Цзянчжоу получили право наравне с остальными участвовать в испытаниях на пути к столице.

Взгляд Цуй Люя снова остановился на старшем сыне. Юаньи еще в юности прошел предварительные испытания, и если он поторопится, то в следующем году сможет претендовать на звание цзюйжэня. Клан бросит все силы на то, чтобы отправить его в столицу. Угроза исходила от тех невидимых, могущественных домов в Столице, и Цуй Люй не мог сидеть сложа руки, ожидая, когда над его головой занесут клинок. Ему нужны были глаза и уши при дворе, и никто не подходил на роль верного соглядатая лучше собственного первенца, плоти от его плоти.

Его мысли текли стремительно, но на суровом лице не отразилось ни тени сомнения. Долгие годы он поддерживал образ жесткого и властного человека, чью волю никто не смел оспаривать. Даже когда он произнес страшные слова, лишаящие второго сына будущего, в зале воцарилась оглушительная тишина. Лица присутствующих застыли в немом изумлении, будто они внезапно лишились слуха. Лишь когда Цуй Чэн, желая убедиться, что не ослышался, повторил вопрос, по залу прошла волна шепота.

Цуй Чжунхао почувствовал, как мир перед глазами поплыл. Он покачнулся и закричал, не в силах сдержать ужаса:

— Отец!..

Если отец официально обвинит его в непочтительности, о карьере чиновника можно забыть навсегда. Более того — он превратится в изгоя, лишится уважения в клане и обречет своих детей на вечное поношение.

Цуй Юаньши, не ожидавший, что отец применит столь сокрушительный удар, решил, что его собственное молчание лишь усугубило вину брата. Он пополз на коленях вперед, пытаясь заступиться:

— Отец, молю вас, не делайте этого! Брат с детства предан наукам, он годы провел за книгами ради этого успеха! В следующем году он непременно станет цзюйжэнем. Мы сможем найти для него должность в управе Цзянчжоу. Империя меняет законы, край восстает из руин, и перед нашим родом открываются великие возможности! Вы сами сокрушались, что морская торговля проходит мимо нас... Если брат будет служить в управе, мы получим свою долю! Отец, во всем клане нет никого способнее Чжунхао!

Цуй Чжунхао снова и снова бился лбом о пол, на его лбу уже расплылось багровое пятно. Голос его дрожал от рыданий:

— Отец, как мне вынести такой позор? Без степени, без чести — у меня не останется пути в этой жизни! Моя жена и дети будут страдать из-за меня... Если вы так разгневаны, велите мне переписывать свитки, заставьте стоять на коленях в храме, велите высечь меня плетьюми... Только не лишайте меня будущего!

Вторая невестка, до которой наконец дошел смысл слов свекра, побледнела как полотно. Сжимая в объятиях сына и дочерей, она опустилась рядом с мужем. Дети, напуганные происходящим, громко расплакались, прижимаясь к матери. В комнате поднялся невообразимый шум.

Цуй Цзикан и старшие сестры, до этого хранившие молчание, тоже пришли в себя и начали просить за брата. Каким бы коварным ни казался поступок Чжунхао, в их глазах он не заслуживал столь беспощадной кары. В конце концов, в них текла одна кровь, и они не могли безучастно смотреть на его гибель.

Цуй Люй, опираясь на руку Цуй Чэна, медленно поднялся. Он подошел к расprostертому на полу второму сыну и посмотрел на него сверху вниз:

— Ты затаил обиду, считая, что мы с матерью обделяли тебя вниманием. Тебя грызла зависть, ведь старшего брата я учил сам, а младшего все баловали и опекали... Но скажи мне, Чжунхао: твоя библиотека, полная речей мудрецов, твои бесконечные собрания за чаем — разве всё это не оплачивалось из казны дома сверх всякой меры? Цзикан с детства возился с деревяшками, Юаньби мечтал о море и кораблях, твои сестры тянулись к счетным книгам больше, чем к вышивке... Кто из них получил желаемое, как ты? Даже в браке ты не был обижен — я выбрал тебе самого почтенного тестя из всех...

Шум в комнате постепенно стих. Чжунхао ошеломленно поднял голову, встретившись взглядом с отцом. В этих глазах он не увидел ни капли прежнего безразличия — лишь пугающую, бездонную пронизательность. Ледяная дрожь пробежала по его спине. Он впервые осознал, что стоит перед человеком, который видит его душу насквозь.

Этот старик не был скупым деревенским богатеем, пекшимся лишь о своем добре. Он не был очерствевшим вдовцом или близоруким главой захолустного рода. Он просто молчал, зная цену каждому из своих детей.

Все взгляды были прикованы к Цуй Люю. Присутствующие заметили, что его походка стала твердой, а спина — прямой, как у воина. Уже у самого порога он бросил короткое распоряжение, прозвучавшее для Чжунхао как высшая милость:

— Чайные собрания запретить. Его библиотеку опустошить, книги передать в общую школу клана. Отныне без моего личного соизволения никто не смеет выдавать ему поручительство для экзаменов. Подготовить западный флигель при храме предков — Чжунхао переедет туда. Его обязанностью станет переписывание родовых уставов и уход за храмовыми курильницами. Кормить его лишь дважды в день, никакой скоромной пищи и вина. Слуг к нему не подпускать — пусть сам стирает свое платье и метет двор. Тот, кто желает служить предкам, должен делать это со смирением и чистым сердцем.

Прошло немало времени, прежде чем из-за открытых дверей донесся дрожащий голос Чжунхао, в котором слышались слезы:

— Благодарю за милость, отец... Я исполню всё, как вы велели.

Пока им не предъявлено обвинение в непочтительности, он был готов принять любую кару, даже если ему придется до конца дней остаться простым сюэем.

Домочадцы в тяжелом молчании начали расходиться. Цуй Чэн вернулся в зал и, подойдя к замужним дочерям главы клана, почтительно поклонился:

— Господин приготовил дары. Извольте принять их перед отъездом.

<http://bllate.org/book/16118/1581070>